

Знакомство мое с А. С. Грибоедовым

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров
Под общей редакцией: В. Э. Вацуро (редактор тома), Н. К. Гея, С. А.
Макашина, А. С. Мясникова, В. Н. Орлова
М., "Художественная литература", 1980
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Я был предубежден против Александра Сергеевича. Рассказы об известной дуэли, в которой он был секундантом, мне переданы были его противниками в черном виде. Он уже несколько месяцев был в Петербурге, а я не думал с ним сойтись, хотя имел к тому немало предлогов и много случаев. Уважая Грибоедова как автора, я еще не уважал его как человека. "Это необыкновенное существо, это гений!" - говорили мне некоторые из его приятелей. Я не верил. Всякий энтузиазм в других порождал во мне холодность, по весьма естественному рассуждению: чем более человек находится вне себя, тем менее он способен ценить или измерять вещи глазами рассудка; следственно, те, которые внемлют ему, должны дополнять своим разумом пустоту и, не увлекаясь чувствами, более не доверять, чем верить. Впрочем, это правило применил я только к заглазным похвалам. Электрическая искра восторга потрясала нередко и меня, но не иначе, как от прикосновения. Притом частые восторги иных друзей моих нередко вспыхивали от таких предметов, которые вовсе того не стоили - как Макбет привидениями, я был пресыщен их чудесами и феноменами. Знаки восклицания в преувеличенных письмах о нем не убеждали меня более, чем двоеочия и многоочия, словом, я хотел иметь свое мнение и без достаточной причины не менять старого на новое. Между тем, однако ж, как я <ни> упирался с ним встретиться, случай свел нас невзначай. Я сидел у больного приятеля моего, гвардейского офицера Н. А. М<ухано>ва {1}, страстного любителя всего изящного. Это было утром, в августе месяце 1824 года {2}. Вдруг дверь распахнулась; вошел человек благородной наружности, среднего роста, в черном фраке, с очками на глазах.

- Я зашел навестить вас, - сказал незнакомец, обращаясь к моему приятелю. - Поправляетесь ли вы?

И в лице его видно было столько же искреннего участия, как в его приемах умения жить в хорошем обществе, но без всякого жеманства, без всякой формальности; можно сказать даже, что движения его были как-то странны и отрывисты и со всем тем приличны как нельзя более. Оригинальность кладет свою печать даже и на привычки подражания. - Это был Грибоедов.

Обрадованный хозяин поспешил познакомить нас. Оба имени прозвучали весьма внятно, но мы приветствовали друг друга очень холодно, даже не подали друг другу руки. Разговор завязался по-французски о чем-то весьма обыкновенном - наконец он склонился на словесность. Передо мною лежал том Байрона, и я сказал, что утешительно жить в нашем веке по крайней мере потому, что он умеет ценить гениальные произведения Байрона.

- Даже оценивать многое выше достоинства, - сказал Грибоедов.

- Я думаю, это обвинение не может касаться авторов, каковы Гете или Байрон, - возразил я.

- Почему же нет? Может быть, и обоих. Разве поклонники первого не превозносят до небес его каждую поэтическую шалость? Разве не придают каждому его слову, наудачу брошенному, тысячу противоположных значений? С Байроном поступают еще забавнее, потому что его читает весь модный свет. Гете толкуют, как будто оп был непонятен; а Байроном восхищаются, не понимая его в самом деле. Никто не смеет сказать, что он проник великого мыслителя, и никто не хочет признаться, что он не понял благородного лорда.

- Этому виной, я думаю, различные способы их выражения. Гете облек мысли чувствами, между тем как Байрон расцвел чувства мыслью. Не всякий дерзнет хвалиться своим умом; но всякий рад сказать, что у него есть сердце, и, замечая, что Гете терзает более его ум, а Байрон чувство, полагает, что легче разгадать последнее, чем первый, хотя то и другое равно трудно.

- Для того чтобы заглянуть в лицо к ним, для доступа к высотам их не помогут ни ползки, ни прыжки: тут надобны крылья... И крылья орла, - прибавил Грибоедов. - Солнечные лучи играют и в блёстке, и в капле, но только масса воды может отразить целое солнце, только высокая душа может обнять полную мысль гения. Что касается, однако ж, до характеристики